

ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА В НЬЮ-ЙОРК ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО ТАТЬЯНЫ ГРОСМАН ДМИТРИЙ ИВАНОВ

— Татьяна Гросман

— Татьяна Гросман
отбирает листы япон-
ской бумаги ручной
работы для произ-
ведений Джаспера
Джонса, 1969

Имя Татьяны Гросман в нью-йоркском арт-мире во второй половине прошлого столетия значило для художников столько же, сколько Амбруаза Воллара в Париже конца XIX — начала XX века. Последний, как мы помним, активно работал с Сезанном, Пикассо, Ван Гогом, не только выставлял их живописные работы, но и помогал создавать тиражную графику. При этом его не интересовала возможность бесконечно тиражировать изображение — в гравюрах, монотипиях и литографиях он видел принципиально новую возможность представить творчество художников. Воллар выпускал так называемые *livres d'artistes* — художественную интерпретацию книжных сюжетов, представленную в виде набора графических листов, отпечатанных небольшим тиражом при участии самых опытных печатников, которые умеют воплотить любой замысел в жизнь, подписанных художниками и собранных в папки или коробки. Найти сейчас волларовские «книжки» целиком, не распроданные по одному листу, — большая редкость, на аукционах они теперь уходят за сотни тысяч долларов. Так вот: в США 1950–1980-х Волларом была Гросман, обратившаяся к печати не от хорошей жизни, но сумевшая превратить свой бизнес — Universal Limited Art Editions (ULAE) — в уникальную мастерскую, где выдающиеся художники экспериментировали с тем, как можно воплощать идеи на бумаге. Всего через семь лет после выпуска первого тиража 97 принтов, вышедших из-под прессы мастерской, были куплены для галереи графики нью-йоркского Музея современного искусства, а традиция приобретать первый оттиск новых выпускаемых ограниченным тиражом принтов ULAE жива до сих пор.

Татьяна Агушевич родилась в Екатеринбурге в 1904 году в семье редактора местной газеты. Сразу после революции Агушевичи эмигрировали в Японию, оттуда они переехали в Венецию, затем в Мюнхен и осели в Дрездене, где Татья-

на поступила на факультет прикладных искусств. Там же она познакомилась с молодым художником Морисом Гросманом, наставником которого был Оскар Кокошка. В 1931-м Татьяна и Морис расписались и переехали в Берлин, но город еврейской паре показался чрезвычайно недружелюбным, поэтому супруги решили отправиться в Париж. Уже во французской столице Гросман вошел в круг художников, возглавляемый Хаимом Сутиным, Жаком Липшицем и Осипом Цадкиным. Именно Липшиц убедил Мориса отойти от полуклассической манеры письма — и тот начал активно выставляться в галереях и на салонах. Но задержаться надолго в Париже не получилось. Впрочем, это оказалось только к лучшему: за два дня до того как в 1940-м немцы вошли в город, паре посчастливилось выехать по направлению к Марселю, а затем пешком через Пиренеи они отправились в Барселону, где их ждали друзья. Благодаря Обществу помощи еврейским иммигрантам Гросманы в 1942 году оказались в Нью-Йорке. Морис помимо своей художественной практики начал подрабатывать то багетным мастером, то преподавателем живописи, в том числе частным, но особого успеха не имел. После инфаркта в 1955-м ему пришлось отказаться от любой тяжелой работы, и все заботы о хозяйстве и о том, как на это хозяйство заработать, оказались на Татьяне. Пара переехала в свой коттедж на Лонг-Айленде и занялась печатью шелкографий по мотивам работ Пикассо, Шагала, Матисса, а через несколько лет Морису удалось получить грант, чтобы выпустить книгу на идише. Именно с портфолио графических работ, в основу которых легли 13 поэмов еврейских авторов, началась история их знаменитой на весь мир печатной мастерской. Друзья Гросманов из арт-мира были восхищены качеством выпущенных шелкографий и посоветовали им не столько заниматься созданием тиражных принтов уже существующих